

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
 НАШ САЙТ: denlit.ru
 ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
 denlitera@yandex.ru

***

Ветер замёл под коверь облетевшей листвы
 Милые глупости и разговоры о лете.
 Перелетавший Сервантес северный ветер
 Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы
 Или другой кто-нибудь на весёлой планете
 Вместе со мной разделили сегодня печаль...

Впрочем, о чём я —
 никто за меня не в ответе —
 Сею стихи —
 собираю дамасскую сталь...
 Некто однажды сказал мне:
 "Иди, дождь с тобою..."
 (Был он, признаюсь,
 смешон и довольно нелеп).
 После писал мне
 преглупые письма из Трои,
 Ну а потом замолчал,
 потому что ослеп...

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Чёртово время! Бегу, как собака, по следу
 За показавшими гонор и прыть в человеческих бегах.
 Если сегодня же ночью я Трою спасать не уеду,
 То на рассвете в "испанских" проснусь сапогах.

НАВОДНЕНИЕ

(На 100-летие Чёрного квадрата Малевича)
 Перестарались служители зияющей пустоты
 И рассердили ветер... Мне ли о том жалеть!
 Теперь, сказавшись больными,
 дрожат, поджимают хвосты —
 В наших краях от усердия немудрено заболеть.

Рядом с рекламной тумбой, ободранной догола,
 Ходят серые волны с лыдинами наперевес.
 Если по недомыслию выйдешь из-за угла —
 На шею электропровод тебе наматает бес.

Самое время мысли в строй загнать пером
 Или сливать в санузел постмодернистский бред,
 Чтоб из двора-колодца, как пустое ведро,
 Чёрный квадрат подняли насмех, а не на свет.

И всё-таки жаль плутшиек
 (ну, тех — с Де Пари Нотр-Дам),
 Их теперь, оглашенных, затопчет любая тень
 И смоев большая вода с камня Великого города...
 Я бы их спас, конечно, да что-то сегодня лень!

***

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
 Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
 На капли молока, пролитые на небо,
 Во все глаза глядит ленивый рыжий кот.

Его пра-пра-пра-пра... яхсался с фараоном.
 Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
 По одному ему лишь ведомым законам
 Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
 И то, о чём поют метёлки тростника.
 А я у костерка под ивой неплакучей
 Никак не разберусь — зачем течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь —
 проснулся сторожок!
 (Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
 Удлище — в дугу! Он сам себя подскё!
 Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Должно быть, в два кило...
 Танцует на песке последний в жизни танец.
 Украинская ночь вздыхает тяжело,
 И на её щеках — предутренний румянец.

Лизнула сапоги днепровская волна,
 И лещ пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
 Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
 И сладок этот миг, и ветер тёплый — сладок!

МАРИНЕ

Расскажи мне о море,
 Расскажи о балтийских штормах,
 О янтарной сосне, догорающей в топке заката,
 О кочующих дюнах на острове Сааремаа,
 О любви, что, как чайка, свобода, легка и крылата.

Разбуду, зацелуй, уведи за собой по волнам
 В неразагаданный мир, где туманы ложатся под ноги,
 Где о чёрные скалы когда-то разбилась луна,
 Где, согласно легендам, живут белокурые боги.

РОССИЯ

Подснежники, голуби, сирень,
 Свеча пред древнею иконой,
 На Волге — облачная тень,
 Над Волгой — хоровод зелёный.

Здесь всё — навек,
 здесь всё — на миг:
 Мелькнёт, и пропадёт, и снова
 По пашне шествует мужик,
 Витает над амвоном слово.

Там — светит белый храм вдали
 Главой златою, величавой;
 Там — по оврагам соловьи
 Гремят давно забытой славой.

То дождь прольётся обложной,
 То вихрь из Азии нагрянет,
 То встанут витязи стеной,
 То прах стеной над полем встанет.

Бредут по берегу дома,
 Скрипят кибитки кочевые.
 А там — кабак. А там — тюрьма.
 И это всё — моя Россия.

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

Когда состарюсь я и стану чудачком
 В очках разбитых,
 связанных тесёмкой,
 Я притворюсь

что с миром незнаком,
 Стяну ремнями чресла и котомку,
 Высокий посох выберу в лесу,
 Ножом очисти от зелёных веток —
 И своей скрипящий остов унесу
 Туда, где ветер свеж и сокол меток;

Туда, где в красном
 праздничном бору
 Алеют земляничные поляны,
 Где дятел ронит мёртвую кору,
 Древесные залечивая раны.

Я выберу пригорок над ручьём —
 И сброшу груз, и на траву прилягу...
 И никогда не вспомню ни о чём,
 В своём мешке отыскивая флаг;

И навсегда забуду по печаль,
 И навсегда забуду про тревоги,
 Чёрная котелком речную сталь,
 Летящую, звеня, через пороги.

Всё это будет месяц или год:
 Я стану мирным
 зверем в мирной чаще.

А после —
 просто, тихо смерть придёт,
 И сделает всё это настоящим.

КОВЫЛЬ

Бьёт ковыль о стремена стальные.
 За спиной — протяжный волчий вой,
 И свистят арканы власяные
 Над моей пропавшей головой.
 Нет, на этот раз мне от погоны
 Не уйти, не вырваться вперёд.

Расскажи, Расскажи о грустинках в углах твоих губ...
 (Я их видел однажды, когда ты играла с волною.)
 Надвигается шторм...

Ветер северный весел и груб —
 Обнимает тебя и хохочет вовсю надо мною!

СТЕПНОЕ

Когда лягнет металл о металл,
 и вселенная вскрикнет от боли,
 Когда в трещинах чёрных такыров,
 словно кровь, запечётся вода, —
 Берега прибалхашских озёр
 заискрятся кристаллами соли,
 И затмит ослабевшее солнце
 ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней,
 и запахнет овчиной прогорклой,
 И гортанная речь заколочет,
 и в степи разгорятся костры, —

О, как прав был строптивый поэт...

И проснёшься в холодном поту
 на кушетке под книжною полкой,
 И поймёшь, что твои сновиденья осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт —
 Кузнецов Юрий, свет-Поликарпыч,
 Говоря мне: "На память пишеш..."
 (или был он с похмелья не прав?)

Хоть до крови губу закуси —
 никуда от себя не ускачеши,
 Если разум твой крепко настоян
 на взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей
 до Последнего самого моря,
 От резных минаретов Хорезма
 до Великой китайской стены, —
 Доскачи, дошагай, дополни,
 растворяясь в бескрайнем просторе,
 И опять выходи на дорогу
 под присмотром подружки-луны.

Вспомни горечь полныи во рту
 и дурманящий запах ямшана,
 И вдохни полной грудью
 щемящий синеватый дымок кизяка,
 И сорви беззастытливый тюльпан,
 что раскрылся, как свежая рана,
 На вселенском пути каравана,
 увозящего вдаль облака...

ПЕТЕРБУРГ

1.
 У зимы петербургской характер прескверный весьма —
 У неё задарма на поношку не выпросишь снега.
 Безъязыкие жмутся на Невском друг к дружке дома,
 А под ними подземка гремит допоздна, как телега.

Разгулявшийся ветер начистил Атлантам бока
 И, как ловкий цирюльник, намылил гранит парапета.
 В плиссированной юбке на берег выходит река
 И с достоинством царским идёт в Эрмитаж без билета.

И опять всё не то! Как мальчишка, меня провела —
 Вместо ярких полотен подслушала кинокартинки!
 А над площадью Ангел уже расправляет крыла,
 И Балтийское море мои примеряет ботинки.

2.
 Я скользящей походкой, сам-друг,
 возвращаюсь домой —
 Муза канула в ночь и свела (вот зараза!) Пегаса...
 Рядом кашляет город, он пахнет тоской и тьмой
 И ещё недержаньем горячей воды в теплотрассах.

Это надо же — вляпаться в эту чухонскую рану,
 В этот выжатый воздух с душком топляка и сивухи,
 И в уме сочинять не стихи, а тотальную дрянь,
 И заснеженным львам, осердясь, раздавать оплеухи.

Просыпается город... Ему на меня наплевать,
 Мною он пренебрежёт и бесстрастно зачислил в потери.
 Дома ждут меня стол, абажур и складная кровать,
 И некормленный кот, и ворчливые старые двери.

Я домой возвращаюсь и тёплое слово — домой —
 Языком непослушным по нёбу сухому катаю.
 Я чертовски богат надоедливим задним умом —
 Потому даже псы мне, рыча, отказали от стаи.

Я домой возвращаюсь... Я болен, я ранен тобой,
 Мой, продутый ветрами, чахоточный, каменный город!
 Знаю — ты не зачтёшь этот наглый словесный разбой
 И снежинку прощенья уронишь за поднятый ворот.

Дышат в спину вражеские кони.
 Смерть пустилась в бешеный налёт.

Так прости-прощай,
 мой друг любезный!

Я с тобой не встречусь никогда:

Георгий СТЕПАНЧЕНКО

Ты летишь, а я плыву над бездной —
 Подо мной зелёная вода.
 Друг мой милый! Вечером весенним
 Помяни за чашей круговой
 Жребий мой,

отвергнутый спасеньем,
 И качни кудрявой головой.
 Вымолю: "Не все собрались ныне;
 Чьи-то кости в ковыле лежат;
 Чей-то шлем, затерянный в пустыни,
 Стал игрушкой выводак волчат..."

Не ответил друг — оборотившись,
 Он тугой натягивает лук —
 И стрела, во вражье горло впившись,
 Издаёт короткий страшный звук;

И аркан, наотмашь рассечённый,
 Злой гадюкой ускользнул в траву...
 И смолкает голос обречённый:
 Ты живёшь — и я с тобой живу!

Скачешь ты — и я с тобою должен
 Мчаться вихрем в буйном море трав;
 Ты смеешься — я смеюсь тоже;
 Ты был прав — я тоже буду прав!

МИР

Волга плещет, шиповник цветёт,
 Бродят дивные кони по лугу.
 Гонят отроки к берегу плот,
 На ходу окликают друг друга.

Привалила к причалу лада —
 С весел поднятых капли стекают.
 С тёмных рубленых башен кремля
 Воронье, горлопана, слетаёт.
 Поднимаются в гору купцы,
 Кушаки на ходу поправляя.
 Наверху купола да венцы
 Золочёные светят, сверкая.

Потоптались гурьбой у стены:
 Эй, стрельцы, отворяйте ворота!
 То ль заснули, то ль вовсе пьяны...
 Никого не видать отчего-то!

И бегут торопливо стрельцы,
 И ворота, спеша, открывают:
 Не сердчайте,

простите, отцы!

Бог прости!
 Ну, да мы не сердчаем!

И по Пятницкой — прямо на торг;
 Перед церковью перекрестились:
 Перед ними смерть —
 Точно в рай воспаряешь! —
 Восторг!

Где же князь? —
 Князь, за ним припустились!

Вот уже и холопы бегут,
 Князь с седла золотого слезает:
 — Припоздился — а вы уже тут!
 В небе светлое облако тает.

Ох, забудьству я, засвищу!

ТРОИЦА

Три ангела —
 три помысла — три духа...
 Пред ними Русь пылает, как свеча;
 Пред ними смерть —
 бессильная старуха;
 Пред ними жизнь,

как искра, горячая.

О чём грустят мерцающие лики?
 О чём молчат печальные уста?
 Горит свеча. Блестят немые блики.
 Об истине пророчит красота.

И светятся таинственно и строго,
 Святой рукою вписанные в круг,
 Три ангела — три воплощенья Бога,
 Три предсказанья

наших страшных мук.

ТО, ЧТО БУДЕТ...

Покров на рву —
 яви Руси блаженство!

Текучих форм
 и линий совершенство...

Цветы, кресты, шатры и купола...
 Хвала тебе, Покров на рву, хвала!
 Арбузный хруст, лимонное сиянье,
 Гранатового чуда прозябанье

Под жуткой синью стынувших небес...
 О, верю я: воистину воскрес,
 Навек воскрес над ветхими гробами,
 Торговыми рядами, кабаками

Тот, что взлелеял, выносил в груди
 Цветущее, смеющееся чудо...
 Кто ведаёт, что будет впереди?
 А будет только то,

что в сердце будет.

СИЛА СУДЬБЫ

Я люблю эту твердь под ногами —
 Ту, что держат слоны и киты!

Я люблю это небо с богами,
 Над которыми Вечность — и Ты.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

На грохочущих стыках эпох
 Гул событий ужасен для слуха.
 Тут спасенье — присутствие духа
 Или вера, что выручит Бог.

Расстопляет кручины свинец
 Эта стойкость, с тектоникой спора,
 От пучины житейского моря
 Бережёт, словно мать и отец.

Для одних сила воли — оплот.
 Для других — Божье твёрдое слово.
 Если нет ни того, ни другого,
 Будешь как ренегат и банкрот.

Сдашься подлому времени в плен —
 И тебя холоуи-шелапуты
 На пирог для застрельщиков смуты
 Разотрут в жерновах перемен.

ПЯТАЯ КОЛОННА

Шумит, гремит бомонд московский,
 С добыч халаяных глянцежит —
 В глазах от фич тусни фронтёрской
 И белых ленточек рябит.

Как на ток-шоу покривляться
 Иль на крутой корпоратив,
 На площадь вышло потребляйство —
 Флешмоб, перформанс, креатив.

Кобеньяса, с железом наготове
 Наполеоны держат речь:
 Один — уже вкушивший крови,
 Другой — не прочь, чтоб ей потечь.

Судьба играет человечком,
 А человек в свой черёд
 В азарте наглom и беспечном
 Игрушкой делает народ.

Такому в кайф протестный гомон —
 Есть упоение в бою! —
 Ведь если гибель чуёт ворон,
 То уж, конечно, не свою.

Толпа приветствует уroda,
 Почти мессии видя в нём.
 Но лишь до времени болото
 Не смертью пахнет, а гнильём.

Какие демоны растили
 Творцов убийственных утрат?
 Герои рухнувшей России —
 Иуда, Каин, Герострат

С их заклинаньем для блезиру:
 "Свобода, равенство, закон!"
 В который раз, сбесившись с жиру,
 Гарцует офисный планктон.

БЕЗЫМЯННЫЙ РАЗЪЕЗД

Отмелкает вечерний московский
 Череду вагонных теней
 По заливу речушки неброской,
 По изгибу просёлка над ней.

И забудет случайный проезжий
 За двойным пропылённым стеклом
 Луг кохчастый, подлесок прибрежный,
 Рыжей охроу крашенный дом.

Тронет душу лишь лёгкая зависть
 К людям в Богом забытом краю,
 Где отходят ко сну, не печалясь,
 Почивая, как будто в раю,

Где, жреая, лежит у дороги
 Остов трактора "Универсал" —
 Символ славной и страшной эпохи,
 Трудовой отслуживший металл.

И великой войны эшелоны
 К фронту двигались именно тут
 Под горючие женские стоны
 После муки прощальных минут.

А к востоку иные составы
 Шли лет тридцать до края земли —
 Сколько бед и душевной расправы
 Те вагоны туда провезли!

Сколько писем с откосов собрали —
 Из тюремных окошек вразлёт —
 И тайком адресатам послали
 (Слёз таких и Господь не отрёт),

Сколько гроз прогремело железных
 Не околицей, не стороной!..

Вся в цветах,
 вся в высоких деревьях,
 В городах и могучих горах,
 Вся в легендах, мечтах и поверьях —
 Гайдн и Моцарт, Бетховен и Бах!

Всё в прекрасной и вечной лазури,
 В белых, лёгких, как пух, облаках,
 В чёрных тучах неистой бури,
 В грозных звёздах и грозных глазах!

Исходил города я и горы,
 Износил сорок пар я сапог,
 Но — на счастье,

иль может, на горе —
 Ни один мне не встретился бог.

Излетал я высокое небо,
 Сорок крыльев меж туч истрепал,

Добывал и вина я, и хлеба,
 А великих богов не видал.

Так за что ты так горько обижен?
 Я их скоро полвека ищу...
 Почему я нигде их не вижу?!

Ох, забудьству я, засвищу!

Погулять, погулять мне охота
 Меж деревьев и меж облаков;
 Погулять, погулять мне охота
 На пиру у бессмертных богов:

Развернуть небосвод, как гармошку,
 Сбросить жизнь надоевшую с плеч —
 И размашисто, не понарошку,
 Песню русскую Боженьке спеть!

Но не всем, хоть и всех покрывают
 В час печали земля и плита,
 Но не всем, но не всем открывают
 Золотые, в алмазах, врата...

Не страшны мне богов испытанья,
 Не страшны поединки во тьме,
 Не страшны вековые страданья —
 Я пробьюсь не к ним, но к Тебе!

Что же, что же меня окрыляет,
 Что же, что же так властно влечёт,
 Круг главы мой нимбом пылаёт
 И в груди — там, где сердце, — печёт?

Отрывает меня от плота,
 Отрывает меня от толпы —
 Эта страшная сила полёта,
 Эта страшная сила судьбы!

Свободный, как никто —
 свободный, как река,
 Которая сама избрала берега;
 Свободный, как никто,

никто и никогда,

Свободный, как река,
 свободный, как вода...

Хоть, по правде сказать, у разъезда
 Всей и славы, что номер большой.

Но названий ему не просили,
 С детства зная под грохот колес,
 Что всё это — пространство России,
 Здесь и дальше на тысячи вёрст.

ОКРАИНА

Пригород будничный, русская росстань,
 Гул автотрасс, торопливый перрон,
 После московского торжища роздых,
 Давка дорожная, спальный район.

Скоп вавилонщины многоочитой —
 Участь исчезнувших там деревень.
 Кто летописец их, кто был защитой,
 Где она, яблонь родительских тень?

Преодоление розни языцев,
 С чуждых краёв достояншихся сюда,
 Ибо веками назад не изыдет
 Разноплемённых изгоев орда.

Зданий кубы, новостройки морока,
 Поползновение камня в зенит...
 Что мне сегодня шумит издалёка,
 Что перед зорями рано звенит?

В мире, сошедшем с ума

Николай БОРСКИЙ

В МИРЕ, СОШЕДШЕМ С УМА
 Проходит жизнь. Сбывается судьба
 За годом год,
 мгновенье за мгновеньем —
 Щедра на боль, на радости скупа,
 Чтоб завершиться хосписом и тленьем.

Над пустырями —
 грустным чувством в лад —
 Глух и рассеян скудный свет небесный,
 Где шелестит чуть слышно снегопад
 Сквозь сетку веток осыпью отвесной.

Зато на стогах воля крикунам,
 Зверям дуногимо, толпам в диком гаме,
 Пролог к последним тёмным временам,
 Предбанник шумный банкы с пауками.

И стыдно жить, и страшно умереть.
 Не отделил реальности от бреда
 И, замерев, в поток снегов смотреть
 На сером фоне зимнего рассвета.